

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

М.Ю. Тимофеев

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, главный редактор журнала «Лабиринт»; E-mail: editor@journal-labirint.com

МУЗЕЕФИКАЦИЯ СССР

В данной статье проанализированы способы позиционирования реализованных проектов по музеефикации советского культурного наследия и предлагаются для обсуждения потенциально возможные способы музеефикации советского в российской провинции. Дается сравнительный анализ музейных практик в странах Восточной Европы и России. Указываются локальные ресурсы, которые могут быть задействованы в настоящее время для актуализации советского дискурса и привлечения к ним внимания. Дан критический анализ подходов, объясняющих популярность «советских» музейных проектов проявлением ностальгии. Указаны возможности и способы расширения аудитории за счёт привлечения молодёжи. Уделяется внимание роли «аналоговых» и «цифровых» методов в формировании музейных экспозиций. Продемонстрированы варианты системной стратегии музеефикации советского наследия на локальном, региональном и общероссийском уровнях.

Ключевые слова: музеефикация, семиозис, «аналоговые» и «цифровые» музейные практики, советскость, провинция, СССР

M. Timofeev

Mikhail Timofeev (Ivanovo, Russia) – Doctor of Philosophical Sciences, Professor at Ivanovo State University, Department of Philosophy; Chief Editor of the Journal of Social Sciences “Labyrinth”; E-mail: editor@journal-labirint.com

MUSEUMIFICATION OF THE USSR

The author analyzes the ways of presenting of the carried out projects aimed at museumification of the Soviet cultural heritage. The study offers the possible approaches to museumification of “the Soviet” in Russian provinces. Besides, the author conducts a comparative analysis of museum practices in Eastern Europe and Russia. The author points out the local resources which can be used nowadays in order to actualize the Soviet discourse and attract attention to them. The study analyzes the approaches ascribing the popularity of “Soviet” museum projects to nostalgia. The author enumerates the opportunities and ways which can be used to attract the youth. Attention is also paid to the role of the “analog” and the “digital” methods in the creation of museum exhibitions. The variants of a system strategy of museumification of the Soviet heritage at the local, regional, and federal levels are presented in the article.

Key words: museumification, semiosis, “analog” and “digital” museum practice, sovietness, the provinces, the USSR

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

Вывеску «Музей СССР» можно обнаружить на большом деревянном доме с мезонином в центре Новосибирска, так называется ещё один частный музей в Москве, готовится к открытию подобный музей в Петропавловске-Камчатском, создание крупного кластера с аналогичным наименованием запланировано на 2022 год в Ульяновске. Ко многому обязывающее название применяется к очень разнородным по характеру экспозиций и несопоставимым по масштабам музейным объектам. В настоящей статье я проанализирую способы позиционирования уже реализованных проектов и выскажу полемические предположения о потенциально возможных способах музеефикации советского в российской провинции.

**Вспомнить всё:
мечта, действительность и кошмар**

Четвертьвековая рефлексия о советском прошлом в современной России не только не приближает консенсус, а всё более и более отчётливо маркирует непримиримые мировоззренческие позиции. Участники очных и заочных дискуссий по-прежнему говорят на разных языках. В одной из своих статей С. Ушакин обозначил семантическую проблему постсоветского состояния как форму афазии, указывая, что «нехватка собственных дискурсивных способностей вытесняется тщательной проработкой символических форм, произведенных на предыдущих стадиях индивидуального и коллективного развития» [43]. Сравнивая практики преодоления разного рода политических травм в западной и восточной Европе, он, в частности, отметил, что «возврат» социалистического лагеря к норме тоже включал в себя определенную версию «пакта о забвении». Предложив четкую «дорожную карту» (и идеологическую схему) развития, «транзит» одновременно предлагал видеть в попытках удержать или воспроизвести в новой жизни элементы недавнего прошлого болезненную «зависимость» от своего исторического пути и своей биографии («path dependency»)» [43].

Эволюция коммеморативных практик в бывших странах соцблока существенно отличается

от российских и несколько опережает в основных чертах всё же обнаруживаемую общую тенденцию. В девяностые посвященные коммунистическому прошлому музейные экспозиции были в основном ориентированы на резидентов и носили чаще всего обличительный антикоммунистический и антисоветский характер (В России Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» был основан в 1994 году). В 2000-х ситуация несколько изменилась — обозначился тренд на коммерциализацию социалистического наследия [2], и наряду с музеями, призванными обличать прошлое, стали появляться частные и муниципальные музеи и экспозиции, авторы которых в худшем случае зло иронизируют над коммунизмом, а чаще тоскуют по исчезающим атрибутам прежней жизни [42, 50, 51]. В музеях такого типа актуализируется повседневная культура исчезнувших политических режимов. Так основой концепции созданного в 2001 году пражского Музея коммунизма стала предложенная живущим с 1968 года в Лондоне чешским кинодокументалистом Я. Капланом триада «Коммунизм — мечта, действительность и кошмар». Как указывается в рекламном проспекте, экспозиция акцентирует внимание «на утопическом идеале коммунизма, действительности жизни при полупустых прилавках продовольственных магазинов и кошмаре государственного контроля тайной полицией» [47]. Находящийся в Берлине музей ГДР посвящен в большей степени именно материальной культуре Германской Демократической Республики, хотя неотъемлемой частью экспозиции является и раздел, посвященный деятельности «Штази» и Берлинской стене. Часто отмечаемая массовая симпатия к прошлому в восточной части ФРГ заметно отличает её от других стран восточного блока, где всё же проблема ностальгии достаточно амбивалентна [46, с. 217 – 227].

Весьма примечательно, что появившиеся за последние десять лет в России музеи, так или иначе эксплуатирующие советский пласт материальной культуры, частные. Тридцать лет назад в СССР музеефикацию определяли как «направление культурной политики и отрасль музейного

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

дела, сущность которого заключается в превращении недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа», а целью музеефикации объявлялось их «сохранение и рациональное использование в системе культурной пропаганды» [25, с. 78]. Исходя из личного опыта, я могу утверждать, что подобное видение миссии музея сохраняется у некоторых региональных чиновников, видящих в обращении к советской проблематике стремление к навязыванию советского дискурса. Обращаясь к теме музеефикации идеологически заряженных объектов, С. Левинсон совершенно справедливо отмечает, что «при перемещении памятника в музей он получает иной семиотический статус. В некоторых музеях новый статус становится сугубо эстетическим, в результате чего форма субстанциально существует отдельно от содержания» [48, с. 68]. Семантика аутентичного, реликтового на структурно-субстратном уровне семиотической системы в определенной степени утрачивается. Концептуальное обыгрывание коммунистической символики не означает актуализацию идеологической семантики знаков. Е. Ковач подчеркивает, что «реликты социализма первоначально должны стать мусором в символическом смысле, так чтобы после их музеефикации они могли стать облагороженными как культовые объекты» [49, с. 162].

Прошедшее совершенное время

Ностальгия по советскому «золотому веку» — «длинным семидесятым» (1968 – 1982) проявляется в разных сферах постсоветской массовой культуры [16]. В связи с этим я хочу остановиться на акцентировании тезиса о ностальгической природе музеефикации и коммерциализации советскости в выставочной деятельности. А. Мустайоки в статье «Ностальгия по советскому прошлому» отметил, что 1) объект ностальгии должен быть удалён во времени не слишком далеко и не слишком близко; 2) объект ностальгии входит в личное прошлое человека или в коллективную память общества; 3) отрицательные качества объекта ностальгии забыты, положительные выходят на пер-

вый план и 4) к объекту ностальгии нет возврата [См.: 26, с. 209]. Именно такой подход исследует Р. Абрамов, прямо указывая, что «в контексте нашего анализа под музеефикацией мы понимаем стремление собрать, категоризовать, сохранить и продемонстрировать материальные и культурные артефакты поздней советской эпохи, а также желание выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощенные в устройстве повседневной жизни “простых советских людей”» [1].

С одной стороны, именно артефакты «длинных семидесятых» являются основой большинства (если не всех) частных музеев. Сувенирная продукция с символами Олимпиады-80, героями советских мультфильмов и прочими визуальными образами, легко узнаваемыми представителями поколений 1970-80-х, явно востребована. Государственные музеи с богатыми фондами, привлекая иногда владельцев частных коллекций, могут позволить себе создание экспозиций с использованием предметов материальной культуры практически всего советского периода. Некоторые вещи 1920-30-х годов (а иногда и более поздние) не могут быть самостоятельно интерпретированы посетителями, даже имеющими достаточно большой опыт жизни в СССР. Соответственно, если поколение сорока- и пятидесятилетних ещё может декодировать определённый смысловой уровень, то семантика и прагматика артефактов, выступающих в качестве знаков и символов в определённой степени герметичного прошлого, удалённого на пятьдесят и более лет, не доступна для представителей более молодого поколения. Утверждение С. Ушакина о том, что принципиальным в ре-популяции готовых форм недавнего прошлого является не ностальгическая тональность, а «формальная привычность этих символов, то есть их способность вызвать и у самого субъекта, и у его аудитории эффект социальной и символической узнаваемости. Иначе говоря, вторая жизнь символики, уже бывшей в употреблении, мотивировалась не столько историко-политическими (“биографическими”) соображениями, сколько структурными и коммуникативными потребностями периода» [43], представляется мне ограниченной. Для моло-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

дѣжи советский универсум, пользуясь предложенной Д. Докучаевым формулировкой, предстаёт как «мёртвая память», т.е. подсистема памяти, связанная с коллективным прошлым, о которой индивид не имеет представления [9, с. 64]. Позволю себе в этой связи использование метафоры «аналогового» и «цифрового» кодирования и декодирования знаковой информации для придания онтологического статуса реальности. Описанный Г. М. Маклюэном перелом в коммуникационных технологиях, с появлением интернета вступил в новую фазу [См., напр.: 20, 21]. Виртуальная реальность, будучи продуктом симуляционных технологий, для молодого поколения выступает в качестве наиболее достойного внимания источника информации [См., напр.: 10, 27, 28]. Отсутствие непосредственного советского жизненного опыта неизбежно компенсируется информацией, полученной из разного рода источников, достаточно значимый пласт которой имеет цифровую природу.

Музей как симулятор СССР

В компьютерной игре «Симулятор СССР» миссия игрока обозначена с помощью следующего императива: «Прокачай коммунизм и построй свое светлое будущее! Почувствуй себя в роли советского чиновника — развивай свою страну, собирай налоги, выполняй пятилетние планы и борись с врагами народа с помощью репрессий!» [32]. Для подростков эта игра, видимо, находится в одном ряду со стратегиями, не имеющими никакого отношения к СССР, хотя вполне возможно, что среди её поклонников преобладают те, кто предпочитает «World of Tanks» или «Red Alert». Степень сближения «цифровой» и «аналоговой» реальности в музейной экспозиции предполагает стирание границ между экспонатами и контекстом их бытования — автомат Калашникова, висящий на стене в начале экспозиции, в конце экскурсии должен дать символическую очередь по виртуальным врагам. «Музеи советских игровых автоматов» в Москве, Петербурге и Казани, где возможность использования экспонатов заложена в самой музейной концепции, не могут считаться собственно

музеями (даже при очень расширительном толковании этого слова), являясь по существу аттракционами, воспроизводящими советские реалии 1970-80 годов [36].

Для посетителей с советским опытом сконструированная музейная реальность советского становится умножением реальности в версии Дж. У. Данна [30, с. 212], проекцией нынешнего в минувшее, подобно тому, как персонажи второго тома «Дон-Кихота» являются читателями первого тома, о чём идёт речь в новелле Х. Л. Борхеса «Скрытая магия в “Дон Кихоте”» [3, с. 212]. Возможность прожить ещё одну жизнь с помощью глубокого погружения в знакомое прошлое — это вполне достижимый путь формирования музеефицированного пространства. В последние годы в сферу музейных интересов активно включаются городская среда и ландшафты [См.: 12], что делает желание музеефицировать всё советское по максимуму во всей его полноте очень соблазнительным. Если в уже упомянутой новелле Х. Л. Борхеса идёт речь о создании на территории Англии огромной карты Англии [3, с. 213], то слияние «аналоговой» и «цифровой» реальностей позволяет перемещаться от артефактов и нарративов к имитации включённого наблюдения за жизнью в СССР в разных её проявлениях.

Места, где жизнь замерла во времена существования СССР, не ограничиваются городом Припять, так что гипотетический аттракцион «Вперёд в прошлое» может быть реализован вполне масштабно, в стиле «Шоу Трумана». Именно шоу способно стимулировать туристическую активность. Проблема не только в оторванности такого рода мест от «большой земли» и в отсутствии приемлемой инфраструктуры. Пока же путешественникам во времени предлагается разорванная в пространстве реальность постсоветского города [29].

Музеефикация СССР как работа со всем «советским» в полном объёме — миссия заведомо невыполнимая. Фрагментация объекта музеефикации предполагает построение системы координат, включающей пространственно-временные оси, а также выбор концепта. Оптимально, если кон-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

цепт будет локализован. Нынешние частные «музеи СССР» — это познавательно-развлекательные площадки с коммерческим уклоном. Их появление обусловлено дефицитом музейных площадок, работающих с советским наследием, с одной стороны, и обилием невостребованных предметов материальной культуры, с другой стороны.

Я полагаю, что перспективной стратегией музеификации советского могли бы стать межмузейные проекты с хорошо продуманной специализацией. Даже заявленный федеральный проект ульяновского Музея СССР при полной реализации его концепции не сможет заменить непосредственное знакомство с уникальными сохранившимися советскими локациями. Именно эта идея лежит в основе адресованного китайским туристам проекта «Красный маршрут», предполагающего объединить Ульяновск с Казанью, Москвой и Петербургом-Петроградом-Ленинградом, для демонстрации мест жизни и деятельности Ленина [13, 44]. Советские аналоги «Золотого кольца» России в туристической сфере уже буквально напрашиваются [См.: 37]. Это уже не ностальгический туризм, как сейчас называется посещение мест, где прошли детские и юные годы жизни [См.: 22]. Приходит время экзотического туризма, адресованного пытливым иностранцам, а также предполагающего привлечение к знакомству с большим пластом истории XX века российской молодёжи. В этой связи особенности «объектов туристического взгляда» [53, с. 11] необходимо подчёркивать, апеллируя к их аутентичности [52]. Как паломники пытаются посетить место, где «на самом деле» произошло какое-то событие, так и туристы прикасаются к «подлинной истории» в местах, имеющих историческое и культурное значение [50, с. 593].

**Советское пространство:
от МКАД до самых до окраин**

Еще в начале 1990-х культуролог Борис Гройс иронично заметил, что «с самого начала Мавзолей Ленина является нам в виде комбинации пирамиды и Британского музея. Мумия Ленина почитается и бережно хранится в пирамиде под названи-

ем “Мавзолей”. Одновременно музей “Мавзолей” экспонирует тело Ленина. Речь, безусловно, идет об одной из наиболее удачных экспозиций современной музейной истории в целом» [7, с. 353]. В настоящее время не только музеи выступают в качестве проводников из сферы мемориальных практик в сферу коммерциализации культурного наследия. Заметную нишу в России и в других странах заняли предприятия общепита [См.: 40, 41]. Они поддерживают интерес к прошлому местных сообществ, но в большей степени привлекают туристов. Вероятно, музей без тематического кафе скоро будет просто немыслим.

Идея размещения частей тела Ленина в значимых советских локациях не осенила в своё время его сподвижников, что, очевидно, не существенно повлияло бы на советские туристические потоки. Путешествие по ленинским местам — это не только посещение Лондона, Цюриха, Капри или Тампере. В этот маршрут входили Ульяновск, Казань, Шушенское, Сестрорецк (Разлив) и, наконец, Горки. Конечно, это ещё Петербург и Москва, но я акцентирую внимание на музеификации провинции, и в ней, помимо ленинских мест, можно без особого труда обнаружить места насыщенные советскими смыслами, о чём я скажу чуть ниже. Локализация наиболее заметных событий советской истории указывает на географию потенциальных мест реализации крупных проектов по эксплуатации советскости. В некоторых местах продолжают работать музеи, созданные в советское время¹. Достаточно часто музейные работники в течение двух постсоветских десятилетий были вынуждены создавать «непрофильные» экспозиции для при-

¹ Это Ленинский мемориал и Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина» в Ульяновске, историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», историко-культурный музейный комплекс в Разливе, историко-мемориальный музей «Смольный», государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», Музей С. М. Кирова в Петербурге, Дом-музей первого Совета в Иванове, филиал Пермского областного краеведческого музея — Музей-Диорама «Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Мотовилихе», Музей-заповедник «Сталинградская битва», Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Музей «Курская дуга», историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» и ряд других.

МУЗЕИФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

влечения посетителей. Некоторые предполагают провести ребрендинг [45]. Ренессанс советскости в последние 10-15 лет несколько скорректировал музейные практики. Своеобразным катализатором возвращения к советской теме выступили самодельные музеи.

Согласно информации, опубликованной в тематическом номере журнала «Музей», первым опытом создания негосударственного музея был Музей быта советских ученых при ТСЖ «Журчатовское» в Москве (2005), затем уже за пределами столицы были организованы упомянутый в начале статьи музей в Новосибирске (2009) [11], Музей советской эпохи в Воронеже (2009) и Музей социалистического быта в Казани (2011). Кроме того, в этот ряд можно включить Музей-резиденцию «Арткоммуналка» в подмосковной Коломне (2011), Музей советского наива в Перми (2012), Музей советского автопрома (2015) в Иванове и Музей СССР на касчатке [24].

Особое место в музейной рефлексии о советском занимают постоянные музейные экспозиции и разнообразные выставки, прошедшие на столичных и провинциальных площадках². В различных художественных музеях и картинных галереях не единожды проходили выставки, посвященные советскому искусству³.

2 Среди них «Коммунальная квартира» и «Краснокамск — город первых пятилеток» в краеведческом музее этого города, «Комсомольск начинался с палаток» в музее города Комсомольск-на-Амуре, «Советская эпоха» в рыбинском Доме культуры посёлка ГЭС, «По волнам нашей памяти» (2006) в московском Историческом музее, «Советский дизайн 1950-1980-х» в ЦВЗ «Манеж» (2012 – 2013), «Комсомолка, спортсменка и просто красавица» (2013) в филиале Ульяновского музея-заповедника «Родина В. И. Ленина» «Симбирские типографии», «За детство счастлирое наше...» (2009) в Музее С. М. Кирова в Петербурге, «Символы детского счастья» (2013) в Историко-культурном музейном комплексе в Разливе, «Советское детство» (2014 – 2015) в Музее Москвы, «Молотов. Был такой город» (2013 – 2014) в Пермском краеведческом музее, а также «Ударком» (2009), «100% Иваново. Агитационный текстиль 1920-30-х гг.» (2010), «Советский Палех» (2014) и «Время, вперед!» (2015) в филиалах Музея промышленности и искусства им. Д. Г. Бурылина — Музее ивановского ситца, Музее первого Совета и в Доме-музее семьи Бубновых.

3 Ивановский художественный музей в разное время пред-

В конце 2013 года на научной конференции «Архитектурное наследие соцгородов — бремя прошлого или ресурс развития?» в городе Краснокамске Пермского края обсуждался выход «советских проектов» репрезентации территории на уровень региона. Города Березники, Красновишерск, Краснокамск, Соликамск — острова архипелага ГУЛаг, население которых до сих пор имеет проблемы социокультурной идентификации, пытаются занять с помощью стейкхолдеров свою специфическую нишу в насыщенном смыслами пространстве Пермского края. Как результат продуманной культурной и музейной политики, отказ от общесоветского в пользу особенности локального советского текста дал замечательный результат в виде экспозиции «Краснокамск — город первых пятилеток» [См.: 34]. Работа с локальной историей выполняет ряд социально значимых функций, что предполагает возможность для её широкого распространения [См.: 15].

Советское время: все оттенки красного

Спектр значений понятия «советское время» распространяется от буквального следования хронологии до сугубо личных коннотаций. В настоящей статье нет необходимости подробно анализировать основания для периодизации истории СССР. Важно понять, что специфика советской хронологии имеет при условии творческого профессионального подхода кураторов огромный по-

ставил несколько выставочных проектов: «Героини» (2000), «Девушка моей мечты» (2002), «Коммуна» (2008). В Музее пейзажа Плещского музея-заповедника был реализован межмузейный выставочный проект «Красное. Ностальгия по светлому будущему» (2010), частично перекликающийся с выставкой «Красный цвет в русском искусстве» (1997) в Русском музее. Выставка «Октябрь всегда был красным. Советское наивное искусство» (2012 – 2013) прошла в художественной галерее «Музей советского наива» в Перми. В рамках первой Уральской индустриальной биеннале была организована выставка «Ударники мобильных образов» (2010). Третьяковская галерея на Крымском Валу экспонировала выставки «Радость труда и счастье жизни» (2012) и «Мир семьи и детства. Образы ушедшей эпохи» (2013), которые являлись двумя частями цикла «Идеалы ушедшей эпохи».

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

тенциал для осмысления истории гражданской войны, НЭПа, первых пятилеток, индустриализации и коллективизации, сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, «Оттепели», «длинных семидесятых» и иных больших историй в контексте востребованной публикой и уже достаточно подробно рассмотренной в литературе [См.: 17 – 19] истории повседневности через призму индивидуальных историй.

Издания, подобные альбому «Советский стиль» [См., напр.: 33] достаточно квалифицированно помогают ориентироваться в трансформации советского в потенциально привлекательных для экспозиционной деятельности сегментах материальной и духовной советской истории (мода, бельё, украшения, парфюмерия, еда, упаковка, деньги, праздники, игрушки, мебель, фарфор, дача). А временные экспозиции одного из самых успешных «советских проектов» — казанского Музея социалистического быта — демонстрируют, что это способ привлечь в стены музея не только туристов, но и местных жителей [См.: 23, 38]. Степень неизбежности конфликта идентификационных политик может быть связана как спецификой городской истории, вмещающей в себя советский и досоветский тексты [См., напр.: 5, 6], так и с неприятием советскости властями городов, основанных в советское время.

Самый советский город

«Наименее советским городом России» назвал Ленинград Сергей Довлатов [8, с. 94]. Конечно, с писателем можно поспорить [35], но, если можно маркировать город по степени советскости, то какой же город можно назвать наиболее советским?

В отличие от Гомера место рождения Владимира Ульянова (Ленина) не вызывает споров. Идея же создания Музея СССР в Ульяновске наталкивает на мысль о причинах подобного рода избранности и о том, почему нет Музея Австро-Венгерской империи во Флоренции или Музея Османской империи в Сёгюте — городах, где родились их основатели. Как отмечал С. Л. Кропотков, «территории пытаются позиционировать себя в услови-

ях всё более жёсткой конкуренции» [14, с. 132]. Я считаю, что в актуализации дискурса советскости как ресурса для территориального развития в Российской Федерации можно выделить три уровня: *локальный, региональный и всероссийский*. На локальном уровне в основе привлечения внимания к месту может выступать как субстрат — вещественное наполнение городского или какого-либо иного пространства. Однако более предпочтительным был бы выбор или создание концепта — идеи, формирующей системный подход к репрезентации советского наследия. Концептом может выступать уникальность города в советской истории (Петроград/Ленинград — «колыбель трёх революций», Ульяновск — родина В. И. Ульянова-Ленина, Краснокамск и Магнитогорск — города первой пятилетки, Иваново — родина первого Совета, или Комсомольск-на-Амуре — «столица утопии», как написал о нём известный эссеист Пётр Вайль [См.: 4, с. 177]).

Всероссийский масштаб подразумевает интеграцию локальных и региональных ресурсов в масштабный проект, аналогичный советскому туристскому маршруту «Золотое кольцо», что предполагается осуществить, начиная с 2015 года, в рамках проекта «Красный маршрут» [31]. И, если создание подобного проекта не может быть осуществлено без координации из федерального центра, то выход «советских проектов» репрезентации территории на *уровень региона* вполне по силам местным администрациям в рамках внутренней культурной политики. Роль музея в реализации подобного рода проектов вполне может стать ключевой.

Литература:

1. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. — С. 99 – 111. URL: <http://gefeter.ru/archive/11132>
2. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. 2013. № 6. — С. 8 – 11.
3. Борхес Х. Л. Скрытая магия в «Дон Кихоте» // Проза разных лет. М.: Радуга, 1984. С. 211 – 213.
4. Вайль П. Карта родины. — М.: Издательство

МУЗЕИФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

КоЛибри, 2007. — 448 с.

5. Гогин С. В. Музей СССР в Ульяновске: опыт мифологического проектирования // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 4 (90). — С. 263 – 276.

6. Гогин С. В. Российский город в поисках идентичности: случай Ульяновска // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 4 (72). URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1929/1945/index.html>

7. Гройс Б. Ленин и Линкольн — образы современной смерти // Гройс Б. Утопия и обмен. — М.: Знак, 1993. — С. 353 – 356.

8. Довлатов С. Ремесло // Собр. соч. в 3 т. — М.: Лимбус пресс, 1995. Т. 2. — С. 5 – 154.

9. Докучаев Д. С. Музеефикация региона, или Какие истории нужны локальным сообществам // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2014. № 5. — С. 62 – 66.

10. Иванов Д. В. Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 96 с.

11. Иванова А. Музей СССР // 60 параллель. 2010. № 1. — С. 116 – 121.

12. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. — М.: Этерна, 2012. — 432 с.

13. Кишковски С. «Красный маршрут» по ленинским местам: мемориалы вождя ждут ударное количество китайцев. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/283/>

14. Кропотков С. Л. Локальный текст как интеллектуальная технология символической реструктуризации старопромышленной территории // Город Пермь. Смысловые структуры и культурные практики / отв. ред. В. В. Абашев; Мин-во культуры и массовых коммуникаций Пермского края; Перм. гос. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. ун-та. — Пермь, 2009. — С. 131 – 172.

15. Кропотков С. Л. Репрезентация уральской идентичности: городской музей на стыке культурных пространств и исторических времен // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25-26 окт. 2010 г. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [редкол.: Е. Т. Артемов (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. — С. 277 – 288.

16. Кустарёв А. Золотые 1970-е — ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 2. — С. 6 – 12.

17. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. — СПб.: Журнал «Нева» — ИД «Летний Сад», 1999. — 320 с.

18. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950-1960 гг. — СПб.: Крига, 2015. — 484 с.

19. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 342 с.: ил.

20. Луман Н. Медиа коммуникации. — М: Логос, 2005. — 280 с.

21. Луман Н. Реальность массмедиа. — М.: Праксис, 2005. — 256 с.

22. Лысикова О. В. Путешествие в СССР: ностальгия по советскому в культурных практиках туризма // Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — С. 142 – 156.

23. Музей Социалистического Быта. URL: <http://muzeisb.ru/>

24. Музей СССР на Камчатке. URL: <http://музейсср.com/>

25. Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения: Сб. науч. тр. Центрального музея революции СССР / Пищулин Ю. П. и др. — М.: [б. и.], 1986. — С. 36 – 135.

26. Мустайоки А. Ностальгия по советскому прошлому // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2-х т. Т. 2 / ред.: Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург, 2009. — С. 209 – 219.

27. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. №10. — С.152 – 164.

28. Носов Н. А. Реальные нереальности // Человек. 1993. № 1. — С. 33 – 42.

29. Ностальгия по СССР: Маршрут в советское прошлое. URL: <http://www.molparlam.ru/media/articles/back-in-ussr/>

30. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1997. — 384 с.

31. Сергей Морозов расскажет на выставке «Интермаркет» о «Красном маршруте». URL: <http://media73.ru/2015/62876-sergej-morozov-rasskazhet-na-vystavke-inturmarket-o-krasnom-marshrute>

32. Симулятор СССР. URL: <http://droidoff.com/games/simulyator-sssr-ussr-simulator>

33. Советский стиль: Время и вещи / Ред. группа: В. Зусева, Т. Евсеева, Н. Иванова. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2011.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

34. Тимофеев М. Ю. «Самый советский город»: архитектурный капитал до востребования // Краснокамск: интеграция в будущее. Материалы конференции «Архитектурное наследие соцгородов – бремя прошлого или ресурс развития?». 27-28 ноября 2013. Краснокамск. — Пермь: Литер-А, 2014. — С. 68 – 74.
35. Тимофеев М. Ю. «Советский город»: инструкция по эксплуатации // VIII Сытинские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России». Ульяновск, 25-26 сентября 2014 года. Ульяновск, 2014. (в печати).
36. Тимофеев М. Ю. Коммунизм как аттракцион: семантические игры с прошлым // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 3. Вып. 2. С. 99 – 104.
37. Тимофеев М. Ю. Красное кольцо: символический капитал «красной губернии» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 94 – 100.
38. Тимофеев М. Ю. Музеефикация советского периода (случай музея социалистического быта в Казани) // Бурый альманах. 2014. № 1. — С. 48 – 52.
39. Тимофеев М. Ю. Музей первого Совета как фактор репрезентации города Иваново // Материалы научно-практической конференции «Музей. История. Наука». Иваново, 18 декабря 2014 года. — Иваново, 2015. (в печати)
40. Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 1. Артефакты // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 4. С. 39 — 51.
41. Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 2. Нарративы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 60 — 77.
42. Тимофеев М. Ю. Феномен «поп-коммунизма» в странах Восточной Европы как туристический продукт // Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и её потребители): Коллективная монография / под общ. ред. И. Л. Савкиной, М. А. Черняк, Л. А. Назаровой. — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2012. — С. 204 – 214.
43. Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. — С. 760 – 792.
44. Чернышева В. Ильич даст заработать. В Ульяновске обсудили перспективы «красного туризма». URL: <http://www.rg.ru/2013/11/26/reg-pfo/turizm.html>
45. Яблоков А. «Горки Ленинские» накануне ребрендинга // Ведомости. Пятница. 26.04.2013 URL: http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/11590261/gorki-leninskie_nakanune_rebrandinga?full#cut
46. Górska K. Nostalgia za PRL-em i ostalgia // Popkomunizm: doświadczenie komunizmu a kultura popularna / Pod red. M. Bogusławska i Z. Grębecka. Kraków: LIBRON, 2010. S. 217-227.
47. Krosnar K. A Tribute to Barren Shops. URL: <http://www.muzeumkomunizmu.cz/articles/newsweek.htm> (дата обращения 27.10.2011).
48. Levinson S. Written in stone: Public monuments in changing societies. Durham: Duke University Press, 1998. 144 p. Kovacs E. The Cynical and the Ironical – Remembering Communism in Hungary // Regio – Minorities, Politics, Society. 2003. № 1. P. 155 – 169.
49. MacCannell D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings // American Journal of Sociology. 1973. № 79 (3). — P. 589 – 603.
50. Peperkamp E., Rajtar M., Becci I., Huber B. Eastern Germany 20 Years After: Past, Present, and Future // Eurostudia. Transatlantic Journal for European Studies. 2009. Vol. 5. № 2. URL: http://www.cceae.umontreal.ca/IMG/pdf/Peperkamp_et_al.-Eastern_Germany_20_years_after.pdf
51. Rethmann P. Post-communist Ironies in an East German hotel // Anthropology Today. 2009. № 25. P. 21 – 23.
52. Salazar N. B. To be or not to be a tourist: The role of concept-metaphors in tourism studies // Tourism Recreation Research. 2014. № 39 (2). — P. 259 – 265.
53. Urry J. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies. — L.; Newbury Park: Sage, 2002. — 183 p.